

Автобиография

А. Д. САХАРОВ

Я родился 21 мая 1921 г. в Москве. Мой отец – преподаватель физики, известный автор учебников, задачника и научно-популярных книг. Мое детство прошло в большой коммунальной квартире, где, впрочем, большинство комнат занимали семьи наших родственников и лишь часть – посторонние. В доме сохранялся традиционный дух большой крепкой семьи – постоянное деятельное трудолюбие и уважение к трудовому умению, взаимная семейная поддержка, любовь к литературе и науке. Мой отец хорошо играл на рояле, чаще Шопена, Грига, Бетховена, Скрябина. В годы гражданской войны он зарабатывал на жизнь, играя в немом кино. Душой семьи, как я это с благодарностью ощущаю, была моя бабушка Мария Петровна, скончавшаяся перед войной в возрасте 79 лет. Для меня влияние семьи было особенно большим, так как я первую часть школьных лет учился дома, да и потом с очень большим трудом сходился со сверстниками.

Я с отличием окончил школу в 1938 г. и тогда же поступил на физический факультет Московского университета. Окончил его тоже с отличием уже во время войны, в 1942 г., в эвакуации, в Ашхабаде. Летом и осенью 1942 г. несколько недель жил в Коврове, куда первоначально был направлен на работу по окончании университета, затем работал на лесозаготовках в глухой сельской местности под Мелекесом. С этими днями связаны мои первые, самые острые впечатления о жизни рабочих и крестьян в то трудное время. В сентябре 1942 г. направлен на большой военный завод на Волге, где работал инженером-изобретателем до 1945 г. На заводе стал автором ряда изобретений в области контроля продукции (в университете я не сумел включиться в активную научную работу). В 1944 г., работая на заводе, я написал несколько статей по теоретической физике и направил их в Москву на отзыв. Эти первые работы никогда не были опубликованы, но они дали мне то чувство уверенности в своих силах, которое так необходимо каждому научному работнику.

С 1945 г. я – аспирант Физического института АН СССР им. Лебедева. Мой руководитель, имевший на меня большое влияние, – крупнейший физик-теоретик Игорь Евгеньевич Тамм,

Писать разборчиво, аккуратно и только чернилами

АВТОБИОГРАФИЯ

Сахаров Андрей Дмитриевич
(Фамилия, имя и отчество)

Я родился в мае 1921 г. в г. Москва. Отец Сахаров Дмитрий Иванович, до революции преподавал в настоящее время доцент Московского Областного педагогического Института по кафедре физики, мать Сахарова Екатерина Алексеевна, до замужества преподавательница, в настоящее время домохозяйка.

Я учился в средней школе №13 Советского района г. Москва (окончил в 1938 г.), на Физическом Факультете Московского Государственного Университета им. Ломоносова (поступил в 1938 г., окончил в 1942 г.) и в аспирантуре Физического Института Академии Наук СССР (1942–1945 гг.). С сент. 1942 г. по январь 1945 г. (до поступления в аспирантуру) работал в качестве инженера на заводе №3 Наркомата Вспомогательных ССР. В Советской Армии не служил. Я беспартийный. Общественная работа в школе и в Университете состояла в помощи отстающим ученикам и студентам. В ФТИ-е я консультировал исключительно в вопросах физики. Состав моей семьи: жена Виктория Павловна Алексеевна 1919 г., дочь Сахарова Татьяна Андреевна 1945 г., дочь Сахарова Любовь Андреевна 1949 г.

впоследствии академик и лауреат Нобелевской премии по физике. В 1948 г. – включен в научно-исследовательскую группу по разработке термоядерного оружия. Руководителем группы был И. Е. Тамм. Последующие двадцать лет – непрерывная работа в условиях сверхсекретности и сверхнапряжения сначала в Москве, затем в

А. Д. Сахаров, студент

специальном научно-исследовательском секретном центре. Все мы тогда были убеждены в жизненной важности этой работы для равновесия сил во всем мире и увлечены ее грандиозностью.

В 1950 г. я вместе с Игорем Евгеньевичем Таммом стал одним из инициаторов работ по исследованию управляемой термоядерной реакции.

Нами предложен принцип магнитной термоизоляции плазмы. Я предложил также в качестве ближайшей технической цели использование термоядерного реактора для производства делящихся ядерных материалов (ядерного горючего для атомных электростанций). Сейчас работы по управляемой термоядерной реакции получили очень большое развитие во всем мире. Наиболее близко к нашим первоначальным идеям приближается система «токамак», усиленно изучаемая в лабораториях многих стран. В 1952 г. по моей инициативе начаты экспериментальные работы по созданию взрывомагнитных генераторов (устройств, в которых энергия взрыва химической или ядерной реакции переходит в энергию магнитного поля). В 1964 г. в ходе этих работ достигнуто рекордное магнитное поле – 25 млн. гаусс.

В 1953 г. я был избран академиком Академии наук СССР.

В 1953–1968 гг. мои общественно-политические взгляды претерпели большую эволюцию. В частности, уже в 1953–1962 гг. участие в разработке термоядерного оружия, в подготовке и осуществлении термоядерных испытаний сопровождалось все более острым осознанием порожденных этим моральных проблем. С конца 1950-х гг. я стал активно выступать за прекращение или ограничение испытаний ядерного оружия. В 1961 г. в связи с этим у меня возник конфликт с Хрущевым, в 1962 г. – с министром среднего машиностроения Славским. Я был одним из инициаторов заключения Московского договора 1963 г. о запрещении испытаний в трех средах (т. е. в атмосфере, в воде и в космосе). Начиная с 1964 г. (когда я выступил по проблемам биологии) и особенно с 1967 г., круг волновавших меня вопросов все более расширялся. В 1967 г. я участвовал в Комитете по защите Байкала.

К 1966–1967 гг. относятся мои первые обращения в защиту репрессированных. К 1968 г. возникла потребность в достаточно развернутом, открытом и искреннем выступлении. Так появилась статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». По существу это те же темы, которые через семь с половиной лет обозначены в названии Нобелевской лекции – «Мир, прогресс, права человека»; я считаю эти темы фундаментально важными и тесно связанными между собой. Это выступление стало поворотным во всей моей дальнейшей судьбе. Очень быстро оно стало широко известно во всем мире. В советской прессе «Размышления» долго замалчивались, потом о них стали упоминать весьма неодобри-

тельно. Многие, даже сочувствующие, критики воспринимали мои мысли в этой работе как очень наивные, прожектерские. Сейчас, спустя тринадцать лет, мне все же кажется, что многие важные повороты мировой и даже советской политики лежат в русле этих мыслей.

С 1970 г. защита прав человека, защита людей, ставших жертвами политической расправы, выходит для меня на первый план. Участие вместе с Чалидзе и Твердохлебовым, а затем с Шафаревичем и Подъяпольским в Комитете прав человека являлось одним из выражений этой позиции. (В марте 1976 г. Григорий Подъяпольский трагически рано умер.) С июля 1968 г., после опубликования за рубежом моей статьи «Размышления», я отстранен от секретных работ и «отлучен» от привилегий советской «номенклатуры». С 1972 г. все более усиливалось давление на меня и моих близких, кругом нарастали репрессии, я больше о них узнавал, и почти каждый день надо было выступать в защиту кого-то. Часто в эти годы выступал я и по проблемам мира и разоружения, свободы контактов, передвижения, информации и убеждений, против смертной казни, о сохранении среды обитания и о ядерной энергетике.

В 1975 г. я удостоен звания лауреата Нобелевской премии мира. Это явилось огромной честью для меня, признанием заслуг всего правозащитного движения в СССР. В январе 1980 г. я лишен всех правительственных наград СССР (ордена Ленина, звания трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий) и выслан в город Горький, где нахожусь в условиях почти полной изоляции и под круглосуточным милицейским надзором. Этот акт властей совершенно незаконен, это – одно из звеньев усиления политических репрессий в нашей стране в последние годы.

С лета 1969 г. я – старший научный сотрудник Физического института АН СССР. Мои научные интересы – элементарные частицы, гравитация и космология.

Я не профессиональный политик, и, может быть, поэтому меня всегда мучают вопросы целесообразности и конечного результата моих действий. Я склонен думать, что лишь моральные критерии в сочетании с непредвзятостью мысли могут явиться каким-то компасом в этих сложных и противоречивых проблемах. Я воздерживаюсь от конкретных прогнозов, но сегодня, как и всегда, я верю в силы человеческого разума и духа.

Горький, 24 марта 1981 г.